

"Захарка"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Виктор Астафьев

Захарка

Лед на Енисее еще не тронулся, но перелетные птицы уже появились. В Заполярье всегда так — птицы опережают весну. Где-то в верховьях Енисея они прилетают на полую воду, потом настигают ледоход и обгоняют его.

Колхозные бригады охотников в эту пору выезжают на промысел за птицей.

Захарка в колхозе еще не состоял, ему было всего двенадцать лет. Но он тоже засобирился на охоту: надо было помогать семье. А семья немалая — четверо ребят (себя Захарка к ребятам уже не причислял). Отца на войне убили, работница в доме одна мать. Она на рыбоприемочном пункте работала — резальщицей.

Станок Агапитово, где жил Захарка, совсем мал, всего несколько домиков. Работы здесь никакой сыскать невозможно, одна рыболовецкая бригада в Агапитове — и все. Самое большое начальство здесь бригадир и пекарь. А до правления колхоза и сельсовета более сотни километров. Заполярье — здесь такие расстояния между селениями не в диковинку.

Захарка ловил зимой силками белых куропаток и однажды заплутался и чуть не замерз. Мать после этого не пускала Захарку в лес.

К весне совсем трудно стало семье. Приварка нет, только рыбы иной раз бригадир давал, а без приварка ребятам пайка хлеба не хватало: растут. Паек же хлебный не растет. Все тот же, что и в войну. Но докатился и до Агапитова слух, что скоро карточки на хлеб отменят. А пока Захарка прилачился к пекарю в помощники: дровишки пилит, колет, печь топит, пол моет — что заставит пекарь, то и делает Захарка. Лишь бы накормил. Поест Захарка в пекарне, значит, паек матери и братишкам с сестренкой достанется.

Надо жить, до лета дотягивать. Летом в Заполярье — лафа: дичь, яйца, рыба, ягоды, грибы, орехи. Летом в Заполярье жить можно.

А между тем пекарь совсем зазнался. Ну кто он такой в нашем нынешнем понимании — пекарь? Так себе — личность, вымазанная мукой. Но в те годы пекари пользовались большим авторитетом. Агапитовский пекарь, к примеру, жил по поговорке: «Сыт, пьян и нос в табаке».

Тут требуются некоторые пояснения: дело в том, что в маленьких поселках хлеб не только выпекался на пекарне, но и отпускался здесь же. Вот и выходило, что власть в ту пору у пекаря была полная. Захочет хлеб отпустить — отпустит, не захочет — не отпустит. Иди жалуйся на него — за сотню-то верст.

Ну а Захарку пекарь вовсе заездил, и плата парнишке одна — кусок хлеба.

Но все стерпел Захарка, дотянул до весны.

Птица пошла, собрался пекарь на охоту: гусятинки захотелось. Мать Захаркина попросила его:

— Возьмите Захарку, Ануфрий Пантелеймонович. После того случая боюсь я одного-то отпустить, а он рвется на охоту.

— Хлопот с ним не оберешься, — поморщился пекарь, — расхнычется.

— Да что вы! — Пекарь был единственным человеком в поселке, которого называли на «вы». — Он у меня ко всему привычный.

Мать хотела сказать, что и охотник Захарка удачливый, с семи лет ружьем владеет, а в ходьбе за ним и взрослому не угнаться, да не успела ничего разъяснить, пекарь недослушал ее.

— Ну, ладно, ладно, — кисло согласился он, — возьму. Будет обед готовить, вещи сторожить.

И вот они шагают по песчаному берегу — задастый, как баба, пекарь впереди, чуть кривоногий, коренастенький Захарка сзади. У Захарки на ногах резиновые сапоги с калошами. Калоши на резиновые сапоги, конечно, не надевают. Но это когда сапоги целые. А если у них нет подметок, тогда с калошами тоже ничего.

Пекарь в болотных сапогах-вытяжках. Рюкзак у него казенный — с застежками, пряжками, железками. У Захарки просто мешок из-под муки, с опояской, вместо лямок. Ружье у пекаря — бескурковка заграничная, с выгравированными зайцами на щеках. У Захарки старая «тулка» без всяких зайцев. Но «тулку» эту Захарка ни в жизнь и ни за какие заграничные ружья не отдал бы, потому как отцовская она.

Километров пятнадцать отмахали пекарь с Захаркой. Пришли на огромный песчаный мыс. Через этот мыс каждую весну переваливают караваны птиц.

Пекарь приказал Захарке отабориваться: разводить огонь, устраивать ночлег, а сам принялся делать скрад на мысу.

Захарка, ловко орудуя топором, нарубил пихтача, сделал «kozyрек» и развел под ним огонь. Потом спустился на мыс и соорудил себе скрад. Пекарь посмотрел на мальчишку с любопытством, усмехнулся и спросил:

— Ты чего?

— Как чего?

— Делаешь, спрашиваю, чего?

— Скрад делаю, не видите, что ли?

— Скра-ад? Зачем?

— Известно дело зачем — стрелять.

— П-сс-ссых, — засмеялся пекарь, будто с натугой чихнул, и тут же боднул Захарку взглядом. — Стрелок сопливый! Мешать только! Сиди уж на стане, при багаже. Две-три утки уделю потом.

— Мне вашего не надо. Я сам добуду.

— Ну, дело твое. Только гляди. Я лютой на охоте — упреждаю...

— Ладно пужать-то, пуганый уже, — буркнул Захарка и занялся своим делом.

Ночью пекарь ворочался с боку на бок. Привык в тепле нежиться и оттого мерз, хотя одет был толсто. А Захарка в телогрейке, под которую поддернута шерстяная кофта матери, в латаных ватных брюках и в сапогах с калошами спал крепко, но урывками. Через час-полтора он

вскакивал — иначе застудишься. Подживив огонь, Захарка распахивал телогрейку, грел грудь, спину, потом сымал сапоги с калошами и калил портянки. Затем он засовывал руки в рукава и падал на пихтовые лапы и заставлял себя тут же заснуть, чтобы не терять ни минуты. Знал парнишка, что при стрельбе влет нужно быть бодрым, хорошо отдохнувшим, чтобы и рука и глаз были верны.

Рано утром Захарка скинул телогрейку и побежал к воде. Он вымылся в Енисее почти до пояса. Пекарь съежился, глядя на Захарку, и даже губы у него посинели.

— Загне-ошься, — пообещал он парнишке.

— Ничего, ничего, — быстро натягивая на себя одежду, сказал Захарка, — зато потом жарче будет, а вас, как от огня отойдете, цыганский пот прошибет, помяните мое слово.

Утро пришло в Заполярье! Пески на берегах чуть курились. Снег с песков уже сошел, и они жадно, неутолимо вбирали солнечное тепло. В кустах и по закрайкам озер снег еще лежал, плотный, с ноздреватой корочкой наста. Днем эта корочка рассыпалась со стеклянным звоном.

Сидит Захарка в скраде, поглядывает, птицу ждет. Славный скрад у Захарки получился. Затащило еще в прошлую весну на мыс кусок земли с дерном, и весь он пиками тальника взялся, пальца не просунешь — так густ тальник. Захарка лозины тальника в середине вырубил, а вершинки крайние связал, вот и готов скрад. Главное, птицы помнят: в прошлом году осенью здесь этот островочек тальника был, и не станут облетать его.

Песчаный мыс изогнутым крылом врезался в Енисей. Темны, огромны забереги у Енисея. Две-три иных реки уместятся в одну такую заберегу. И с той, и с другой стороны уже давно оттаял лед от берегов. А вот стоит же. Держит его север и еще слабо нажимает юг.

Однако вон в тихой студеной забереге частые кружки, будто от дождя. Это селедка-зубатка — начала появляться, значит, не сегодня-завтра река тронется. И вместе со льдом пойдет зубатка. Будут пичкать льдины селедку, выталкивать ее на берег косяками — знай собирай в корзины. Ну что бы вот этой зубатке идти раньше или повременить день-другой и переждать ледоход? Нет, на смерть идет, а не отступает от своих законов.

Попробуй разбери их, эти законы природы. Сидит Захарка, думает. Холод к ногам подбирается, не больно стойки калоши против стужи.

Высоко проходят громадные табуны уток. Эти идут еще дальше, им путь к Енисейской губе, к Диксону, к Ледовитому океану.

Но вот за мысом, над кромкой леса изломанный угол. Он растет, ширится. То был как будто простым карандашом отчеркнут на бледном небе, а теперь уж словно углем, вон уж и пунктир образовался. Дробно рассыпался косячок по небу, распался — точки, мячики, комки. Ближе, ближе. Га-га-га-га! Га-га-га-га! Гуси.

Идут гуси. Медленно идут, устало. Огромный путь одолели они. Горы, реки, моря оставили позади. Сейчас они почти «дома» и оттого летят без строя, неторопливо. Надоела им дисциплина, измотал изнурительный перелет — пора и подкормиться, пора передохнуть.

По всему видно, они норовят сесть на мыс. Вот уже снижаются, предупреждая друг друга, дескать, смотреть и еще раз смотреть!

И в это время — трах-пах!

Пекарь выстрелил, не утерпел.

Колыхнулась, рассыпалась и прошла над скрадом пекаря стая — под самым его носом. Захарка на колени привстал, выцепил одну птицу, ударил, и она грузно упала в песок, взбив легкое облачко.

Пекарь вдогонку гусям из обоих стволов саданул, но птицы были уже далеко, не достанешь дробью.

Прибежал пекарь к Захарке, глаза у него большие:

— Покажи гуся-то. — И стал вертеть птицу в руках, пальцами оглаживать. — Ха-арош, ах ха-арош! Ловко ты его. А я, понимаешь, поторопился.

— Ну, ничего, — успокоил пекаря благодушный от удачи Захарка. — Прилетят еще... Во! Слышите?

А вдали снова: га-га-га.

Юркнули в скрады Захарка и пекарь. Но этот табун прошел стороной. Зато тут же и один за другим низко промчались три табуна уток. Захарка выбил трех, а пекарь пять уток. Утки — не то что гуси — теряли друзей без криков и без паники. Казалось, они просто на ходу вытряхивали из табуна над скрадом одну-две птицы и, только слегка дрогнув, спешили без оглядки дальше.

Все шло как будто хорошо. Пекарь ликовал:

— Ка-ак я их, понимаешь, лупану — и посыпались они. Бой у ружья — сила! Да и стреляю я отменно. Это уж даве по гусям просто поазартничал...

Захарка молчит, только слегка морщится. Нехорошо это — трещать на охоте, похваляться. К охоте Захарка относится со спокойной серьезностью — она для него не забава, а работа, дающая пищу, жизнь. Так же к охоте относился и отец Захарки, а он был знатным промысловиком.

— Ша! — закричал сердито Захарка. — Летят! — И пекарь послушно затих в своем скраде.

Шла большая, туго сбитая стая гусей-ворогук. Шла она ровно, без суеты, роняя редкую перекличку на землю.

И на этот раз пекарь поторопился. Думал, должно быть, как бы Захарка не опередил его. Он уже убедился в том, что болтать и мазать Захарка не охоте не любит.

Плохо стрелял пекарь в табун, наудалую. Два гуся после его выстрела колыхнулись и пошли на сторону, к берегу. Вспахав лапами белые борозды на темной воде, гуси тоскливо закричали, провожая родную стаю.

Захарка прихватил последнего гуся. Шел он низко, на верный выстрел. Гусь упал чуть подальше скрада, но выправился и попробовал подняться на крыло. Захарка ринулся наперерез, и в это время — хлесть! Почти у самых ног Захарки прошла дробь. Парнишка оторопел.

А пекарь выскочил из скрада и на Захарку с кулаками, махается и орет:

— Ты чего это за чужой птицей гоняешься? Ишь, ловкий какой... Я их трех прихватил. Два-то вон на Енисей ушли, а этот упал. А ты — ишь...

Видел Захарка — врет пекарь. По глазам видел, по голосу слышал — врет.

— Как тебе не стыдно! — сказал он пекарю, сразу переходя на «ты». — Детишек голодишь...

Пекарь аж захлебнулся от таких слов. Он привык к почтению, привык, чтобы его на «вы» называли.

— Ну ты, оглодыш! — замахнулся он на Захарку. — Гляди у меня! А то я властью отца твоего покойного оттаскаю за уши!

— Крохобор! — презрительно сощурился Захарка. — Властью отцовской... При отце ты не посмел бы у пацана отбирать. Властью! У меня еще полон патронташ зарядов. Срежу, как чирка! По-огань!

Пошел Захарка прочь, в свой скрад, коренастый, кривоногий, не по годам скроенный, не по летам рассудительный и злой. Жизнь сделала таким Захарку.

Больше не разговаривал Захарка с пекарем, и к хлебу его не притрагивался, хотя тот юлил и все время с едой насылался.

А почему он юлил — выяснилось после.

Четырех гусей добыл Захарка и уток штук двенадцать, можно сказать, на месяц семью едой обеспечил. А пекарь так с одним, захапанным гусем да с несколькими утками домой плелся. Идет и все разговор подводит к тому, чтобы разделить пополам добычу. Захарка делает вид, будто не понимает намеков пекаря. Прет тяжелый мешок, сопит, потом обливается и помалкивает.

Возле поселка пекарь без обиняков заявил:

— Слышь, ты, сосунок! Не будет того, чтобы меня весь станок срамил, чтобы я ославился из-за того, что ты меня обстрелял.

— По бутылкам да по консервным банкам мастер стрелять, теперь по птице поучись! — процедил сквозь зубы Захарка и тут же добавил: — А насчет дележа охолони и рот не раскрывай. У меня детишки и мать.

— Ах так! — рассердился пекарь. — Значит, охолони! Значит, ты понятия того не имеешь, что кабы не я, так детишки твои и ты вместе с ними ноги бы давно протянули. Подкормил на свою шею, подкорми-ил. Н-ну, погоди!

— Спаси-итель! — скривил губы Захарка и себе под нос: — Вша!

Пришел Захарка домой, супу наварил, ребят накормил, сам наелся и еще матери оставил.

Мать явилась в слезах.

— Что ты там наделал? Чем пекарю-то досадил? Зверем он на меня смотрит и говорит, что с сего дня никаких льгот нам не будет.

— Плевать на такие льготы! — рассердился Захарка. — Корочки, как собакам, подбрасывает,

чтобы я батрачил на него, как на кулака при давнем времени. Вот через месяц-другой карточки отменяют, и оплывет он, как червивый гриб. Льго-о-ота!..

Прошлым летом ездил я в Заполярье и побывал на осенней охоте возле станка Агапитово. Довелось мне там ночевать у рыбацкого бригадира Захара Тунегова, того самого Захара, который уберег семью от голода и еще в детстве сделался взрослым.

— Ну и как вы тогда? — спросил я, когда Захар рассказал мне эту историю, не столь веселую, сколь грустную.

— Выжили. Тем же летом полегченье с хлебом стало, прибавили нам паек, как заполярным жителям, а потом вовсе карточки отменили. Но еще до отмены карточек посадили пекаря-то. Подмешивал он чего-то в хлеб — вот и угодил, куда надо. — Захар вынул трубку, постучал ею о камень, набил табаком и добавил: — А я вот и по сей день его, подлого, забыть не могу, так-то он мазнул сажей по моему детству, так-то он отяжелил его, и без того нелегкое. — Захар помолчал, глубоко затянулся: — У самого вон трое сейчас растут, стараюсь, чтоб ни в чем нужды не знали. Жена иной раз говорит — балую. Может, и балую. За себя балую, за своих братьев и сестренку.

После этого Захар долго молчал. Сидел он на опрокинутой лодке и молчал. Над Енисеем торопко проносились стаи уток, куликов. Кружились и вскрикивали чайки. Начинался осенний перелет. Птицы отлетали на юг, в теплые края, замыкая свой ежегодный, великий путь.

1959